

**«...ХОТЯ И ТЕСЕН, ВСЁ ЖЕ ДОСТАТОЧЕН»:
(Дом Демидовых на Васильевском острове
в судьбе Библиотеки и Кунсткамеры Академии наук)**

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены факты и события, связанные с пребыванием Библиотеки Академии наук и Кунсткамеры в доме Демидовых на Васильевском острове. Выявлены причины, по которым после пожара 1747 г. для размещения книг и коллекций был выбран именно этот дом. Основное внимание уделено второму десятилетию пребывания в нём библиотеки и музея. В начале этого периода завершился раздел наследства, в состав которого входил данный дом. У здания появился конкретный владелец, добивавшийся его освобождения. Выясняется, как на истории с домом отразилась непростые отношения между членами Академии и сотрудниками её аппарата (М.В. Ломоносов, И.И. Тауберт и др.). Приведены сведения о лицах, проживавших в доме в период пребывания в нём Академии. Уточняется, когда дом был полностью освобожден от её имущества.

Ключевые слова: Петербург, Васильевский остров, застройка, Академия наук, Академическая библиотека, Кунсткамера, Демидовы, Михаил Васильевич Ломоносов, Иван Иванович Тауберт, коллекции.

Важный период истории Библиотеки Академии наук — неполные двадцать лет после случившегося 5 декабря 1747 г. пожара [1, с. 98; 2, с. 118], повлекшего перемещение фондов её и Кунсткамеры в дом Демидовых на Васильевском острове, — остаётся всё ещё недостаточно изученным.

Сведения, касающиеся начальной его фазы, изложены нами в статье [3]. Ниже рассмотрены связанные с этим домом и академическими учреждениями в нём события десятилетия с конца 1757 по начало 1767 г. — времени, в течение которого получивший его в наследство Н.А. Демидов пытался вступить в реальное владение им. Выявить новые данные позволили документы фонда (№ 1267) Демидовых, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Трёхэтажного дома, о котором идёт речь, в настоящее время не существует: он был снесён при подготовке площадки под строительство Биржи. Здание, возведённое в конце 1710-х гг. для графа

П.М. Апраксина, находилось недалеко от Стрелки Васильевского острова, на берегу Малой Невы, на участке, который сейчас занимает строение с адресом: Наб. Макарова, 2. По сторонам от него находились постройки городских усадеб баронов Строгановых (восточнее) и княгини А.И. Голицыной (западнее) [4, с. 89, 91]. Около 1726 г. дом Апраксина купил крупнейший металлург России Акинфий Никитич Демидов (1678–1745) [5].

Использование этого дома для нужд Академии определил именной указ императрицы Елизаветы Петровны от 23 декабря 1747 г. В нём со ссылкой на президента Академии графа К.Г. Разумовского констатировалось, что «все нужные вещи благополучно вынесены как из Библиотеки, так и Кунсткамеры, только теперь лежат в крайнем беспорядке». В связи с этим императрица повелевала «отдать под Библиотеку нашу и Кунсткамеру дом дворян Демидовых впредь до нашего указа, по коих мест академические полаты построены будут» [6].

Причин, по которым для размещения спасённого от огня академического имущества было выбрано данное здание, существовало несколько.

Во-первых, постройка находилась поблизости от пострадавших от огня академических «палат» и рядом с уже арендовавшимся Академией домом Строгановых.

Во-вторых, Демидовский дом казался «от огня безопасен». В рапорте президента Академии императрице это обстоятельство выделено и обосновано: «палаты дворян Демидовых... больше железом, нежели деревом, снабдены» [7, с. 633–634].

В-третьих, вскоре после смерти прежнего хозяина дома (А.Н. Демидова) императрица указом президенту Берг-коллегии А.Ф. Томилову от 30 сентября 1745 г. взяла на себя контроль над разделом наследства. Согласно её распоряжению, имущество умершего «всё и везде» следовало переписать, опечатать и хранить по описям «до указа» [8], что было равносильно запрету на сделки с ним. Учитывая это, а также наличие в составе наследства ещё одной петербургской усадьбы, дом на Васильевском острове казался возможным без ущерба для наследников (братьев Прокофия, Григория и Никиты Акинфиевичей Демидовых) использовать по особому назначению. К этому времени двое из них, будучи увлечёнными «ботанофилами», уже имели контакты с Академией. По-видимому, против такого использования номинально оставшегося в их собственности дома наследники не возражали.

Дом Демидовых был спешно очищен и подготовлен к перевозу книг и вещей. В начале 1748 г. большая часть спасённых академических коллекций силами солдат петербургского гарнизона была в него успешно перемещена [1, с. 103].

На протяжении последовавшего за этим десятилетия происходившее в доме, по-видимому, не особенно интересовало наследников — во всяком случае, документов, отражающих такой интерес,

пока не находим. Ситуация радикально изменилась после завершения раздела имущества, оставленного А.Н. Демидовым. Ключевыми событиями явились подписание наследниками документов по разделу (оно состоялось 1 декабря 1757 г.) и их вступление в «особые владения» (1 мая 1758 г.) [9, с. 340]. Дом в Петербурге на Васильевском острове достался младшему из братьев, Никите Акинфиевичу (1724–1787).

Полагая, что подготовка помещений в Академии, где должны были размещаться книги и коллекции, фактически завершена, он попытался ускорить освобождение дома и получить плату за его использование.

Самое раннее посвящённое этому вопросу прошение Демидова, сохранившееся в его архиве, датировано мартом 1758 г. Он писал в нём, что академические учреждения находятся в его доме больше десяти лет и здание пришло в «худое состояние». «И не токмо кругом ево вся подмаска опустилась, — пояснял он, — но и полы и подволоки, которые суть накатные, весьма ветхи, и опасно, чтоб от той ветхости вторичнаго Кунстъкамере и Библиотеке незапного повреждения не учинилось, ибо и стены во многих местах розселись, а надворные службы и все опустились». В связи с этим Демидов просил, «ежели есть куда», Библиотеку и Кунсткамеру «перенестъ».

Возвращением здания его притязания не ограничивались. Он настаивал на материальной компенсации износа, обусловленного долговременной эксплуатацией постройки. Демидов полагал, что имеет полное право требовать этого, поскольку «при помянутом занятии того дому в Кабинете вашего императорского величества объявлено нам обще з братьями моими, что, кому оной дом по разделу нашему достанется, то за все то время, сколько оная Библиотека и Кунстъкамера в нем пробить может, заплачены будут денги». Демидов просил Академию выдать ему необходимые для ремонта средства подобно тому, как Строгановым

они «за такой же от Академии наук постой выдаваны были» [10].

Прошение было направлено в Академическую канцелярию. Ответ последовал через месяц с лишним — 6 мая. Проситель получил отказ по всем пунктам. Своим определением Канцелярия приказала объявить, «что, понеже в оном указе (от 23 декабря 1747 г. — *И.Ю.*) ни о каком платеже денег от Академии не упомянуто, а еще меньше, чтоб куда о том велено было представить, того ради просить ему о том в надлежащем месте, а Академическая канцелярия никакого представления учинить не может. Тем наипаче, что полаты Библиотеки и Кунсткамеры строением ещё не окончаны и потому неизвестно, сколь скоро вещи на прежнее место перенесены быть могут» [11].

Добиться просимого Н.А. Демидову удалось только через десятилетие. Полученная им плата оказалась гораздо умереннее той, на которую он рассчитывал.

Потерпев неудачу, Демидов духом не пал. Летом 1760 г. он затеял строительство перед своим домом пристани — во всяком случае, прошёл весь цикл необходимых согласований и утверждений проекта. Эта акция свидетельствовала, что хозяин намеревался реально вступить во владение домом и использовать его был намерен в соответствии с нуждами бизнеса. «Железные караваны» ежегодно доставляли в Петербург с Урала значительное количество демидовского железа — часть его уходила по казённым поставкам, часть предназначалась для отправки через Петербургский порт за границу. Заводовладельцу требовались складские помещения — подвалы собственной усадьбы подходили для этого как нельзя лучше. В первую очередь именно поэтому, а отнюдь не из-за упрямства и жадности Демидов добивался освобождения дома.

На Малой Неве существовало несколько пристаней. Неподалеку от демидовского дома находилась обладавшая ею таможня. Демидов стремился обзавестись пристанью, находившейся в полном его распоряжении. Дом и усадебные

постройки оставались по-прежнему занятыми академическим имуществом и служителями, однако построить пристань Демидову разрешили.

Документы (переписка Демидова и доверенных его лиц с Сенатом, Кабинетом Е.И.В. и Академической канцелярией) сообщают множество подробностей, характеризующих (в динамике), с одной стороны, состояние дома и того, что в нём тогда находилось, с другой — подготовку Академии к возвращению Библиотеки и Кунсткамеры в собственные их помещения. Выясняется, в частности, что в 1761 г. в Демидовском доме жило до 40 человек («ундер-библиотекариус», ученик, солдат, счётчик, конюх, служители и мастеровые), все они с семьями, в том числе большими — семейство библиотекаря достигало девять человек. Из них лишь немногие (Демидов назвал троих — С. Бухвостова, И. Ильина и И. Фадеева) были непосредственно связаны с надзором за размещенным в здании имуществом [12]. В подвалах дома хранилось пиво, и Демидов на это тоже жаловался: «...Погребы, в которые прежде складывалось железо, академической советник Тауберт занял аглинским пивом и железа складывать не допустил, для чего то железо принудил нанимать, возить и складывать на Гостином дворе с убытком» [13]. (Исполняя сенатское распоряжение, Академия специально разбиралась, как это пиво там оказалось.) Все помещения дома годами оставались переполненными. У приезжих демидовских приказчиков, пытавшихся остановиться в хозяйском доме, возникали почти непреодолимые трудности. Демидов сообщает: «А для жительства их (технического персонала Академии. — *И.Ю.*) поблизости академических полат и неподалеку от того моего двора построены особливые деревянные покои, которые они вместо того отдают в наймы. Как то и прикачики мои, прибывшие из Сибири в прошлом 1760-м году з железом, принуждены были у них же нанимать, а на свои двор советником

господином Таубертом жить были недопущены, ис чего явная учинена мне именованному обида» [14].

Нагрузка на здание, неизменно большая в течение длительного времени, вела к его ускоренному изнашиванию. Справедливости ради следует отметить, что, эксплуатируя дом на износ, Академия время от времени проводила в нём ремонтные работы. За период с 1748 по 1761 г. затраты на них, приходящиеся в основном на Демидовский дом (остальное — на Строгановский), поглотили 434 руб. 18 коп. казённых средств. В доме Демидова в эти годы были разобраны печи и камин, двери всех этажей снабжены замками (1748), в одном «покое» отремонтирован пол (1749), в окна и двери вставлены стекла (1750), произведены «разные починки» (1754), отремонтирована кровля с частичной заменой черепицы (1758), снова починена кровля (1760). Последний известный нам ремонт осуществили в 1761 г. — тогда заменили всю кровлю, в покоях переделали потолки и полы, починили печи [15].

Сомневаемся, что этого было достаточно для поддержки удовлетворительного состояния здания. Из анализа смет очевидно, что перечисленное — по большей части работы по приспособлению дома. Только для одного ремонта 1761 г. (поглотившего треть суммы, израсходованной на эти цели за всё время) перечень выполненных работ выглядит более или менее основательно, но и этот ремонт не отнесёшь к капитальным. Дом старел, и у нас нет оснований не доверять присутствующим в прошениях Демидова характеристикам постепенно ухудшавшегося его состояния.

Тауберт, как лицо, непосредственно отвечавшее за Библиотеку, добивался того, чтобы возвращение книг и вещей в стены Академии произошло не раньше полного завершения ремонта повреждённого пожаром здания и установки в нём нового оборудования — шкафов. Умелый политик, он не отказывался освободить дом, даже называл конкретные сроки,

в течение которых это будет сделано. Но по их истечении неизменно оказывалось, что положение существенно не изменилось, и Тауберт столь же неизменно находил весьма основательные внешние причины, это объясняющие.

Сенат, утомлённый просьбами Демидова о помощи в удовлетворении казавшихся вполне обоснованными претензий, по крайней мере, в принципе занял в конфликте его сторону. Указом от 8 июня 1761 г. сторонам было сообщено, что «Библиотеку и Кунсткамеру в доме дворян Демидовых велено перенести в непродолжительном времени» [16]. «Непродолжительное время» растянулось ещё на пять с лишним лет.

В истории с домом отразились непростые отношения между членами Академии и сотрудниками её аппарата. Изготовление библиотечных шкафов требовало времени и немалых средств, для изыскания которых Тауберт считал допустимым переброску сумм другого назначения. М.В. Ломоносов и секретарь Академической канцелярии М.М. Гурьев полагали правильным испрашивать во всех таких случаях разрешение Сената или Кабинета, а Ломоносов прямо осуждал Тауберта за его заботу о «позолоченных шкафах», заявляя, что не в них, а в «довольстве книг надобных» состоит ценность библиотеки [3, с. 119–121; 17, с. 205]. Оспаривать это утверждение не приходится, как не приходится и сомневаться, что действия Тауберта были обусловлены стремлением обеспечить наилучшие условия хранения уникального библиотечного собрания, которым он заведовал.

В касающемся демидовского дома делопроизводстве останавливает внимание письмо Тауберта генерал-прокурору Я.П. Шаховскому от 28 августа 1761 г. Его тема — изложение и обоснование мнения, как наилучшим образом могут быть приведены в порядок «Императорская Кунсткамера и Библиотека, собранная по большой части самим Императором Петром Великим

и возбудившая поныне любопытство как природных российских, так и всех приезжающих сюда иностранных». Тауберт сообщает краткие сведения об истории библиотечного собрания и дает оценку вклада Петра в его формирование. Он отмечает, что «весь дом Демидовых чрез все три апартамента сверху до низа наполнен как вещми, так и книгами» (уточняет: вещей и книг в здании — «до несколько сот тысяч разных званий»). Он предупреждает, что «при скором (в смысле, поспешном. — *И.Ю.*) переносе неотменно великое множество долженствует переломатца, повредится и утратится, а иных вещей ни за какия денги возвратить невозможно. Блаженной памяти Государь Император Петр Великий болшую часть сих редкостей сам собрал из разных государств, не жалея никакого иждивения, и столь высоко оныя поставлял, что первоначальную Кунсткамеру до перенесения Ея в <...> дом (пропущено место для «имени» дома. — *И.Ю.*) имел в собственном своем дворце. А потом для пространнейшаго расположения вещей с пристойным украшением велел построить особливой дом, в котором Библиотека и Кунсткамера находились в наилучшем порядке до несчастливаго пожара, как о том свидетельствуют напечатанныя в то время во многих томах состоящие каталоги вещам и книгам, также и вырезанные на меди планы, профили и фасады, кунсткамерских и библиотечных полат» [18].

По словам Тауберта, «беспрестанно приходят знатныя особы, как иностранные, так и здешние, любопытствующие видеть Кунсткамеру и Библиотеку, которым я ныне принужден почти со стыдом и со всегдашнею оговоркою сказывать, что оныя вещи хранятся в том партикулярном доме не инако, как в магазине, толко до того времени, пока настоящее для них место, где они до пожара были, пристойным образом шкафами и прочим внутри украшением отделается, которая работа уже и действительно производится» [19]. Здесь интересно не только

упоминание о внимании к академическим учреждениям посторонних лиц и их частных посещениях. Примечателен пассаж о смущении, с которым Тауберт объясняет, почему ценные предметы находятся в частном доме и хранятся в нём, как «магазине», то есть на складе. Конкретных свидетельств того, что условия хранения в Демидовском доме неудовлетворительные, Тауберт не приводит. Полагаем, что серьезных оснований стыдиться положением вещей у него не было, условия являлись вполне приемлемыми. Душевные же муки, которые он, якобы, испытывал, по меньшей мере отчасти — риторика, призванная продемонстрировать его заботу о вверенном ему собрании и о связанном с ним большом и важном деле — подготовке помещения для его постоянного размещения.

Обещая, что по завершении приближающейся к окончанию работы по изготовлению и монтажу шкафов Демидовский дом от книг и вещей будет быстро освобожден, Тауберт одновременно искал возможность задержаться в этом доме, судя по этому факту, для Академии удобным и вполне исправном. Задержаться в том числе после его освобождения от находившегося в нём академического имущества. Об этом свидетельствует ещё одно его письмо — Н.А. Демидову от 27 января 1765 г. В нём Тауберт предлагает арендовать у него дом на Васильевском для размещения академических книжной лавки и магазина, при этом соглашается на то, чтобы часть помещений оставить хозяину. Демидова он просил пообещать одно: что тот в течение оговоренного договором срока не станет дом продавать [20]. Демидов предложение не принял. Можно предположить, что в ситуации выбора взяли верх интересы бизнеса, требовавшего наличия в Петербурге усадьбы, находившейся в полном распоряжении промышленника. Заметим, однако, что в 1766 г., когда дом уже постепенно освобождался, книжный магазин в него на некоторое время Академия всё же перевела.

Полностью академическое имущество из усадьбы Н.А. Демидова на Васильевском острове было убрано лишь к началу 1767 г. К этому году относятся два прошения Н.А. Демидова [21], в которых он сообщал, что за пользование домом получил только 500 руб. за последний год пребывания в нем Академии, за 18 же лет ему всё ещё не заплачено. Он просил зачесть арендную плату за эти годы в счет доимки — десятинных денег, начисленных на его заводы Берг-коллегией.

Любопытно, что в текст одного из прошений (от января 1767 г.) первоначально был включен следующий аргумент, обосновывавший необходимость платы за постой: «По призыву нас нижайших в кабинет Вашего Императорского Величества от статского советника Демидова имянным Ея Императорского Величества указом объявлено нам, сколько время оная Кунсткамера в том нашем доме пробудет, за то заплачены будут денги» [22]. На это обязательство хозяин дома в своих прошениях ссылался уже неоднократно (в 1758 г. сообщал об анонимном обещании, в 1765 г. называл полное имя лица, его давшего, — Василий Иванович Демидов) [23]. В черновике прошения 1767 г. упоминание об этих уверениях при редактировании было вычеркнуто. Можно предположить: потому, что они представляли собой устное нигде не закреплённое

очень давнее обещание, которое, будучи не раз воспроизведённым, неизменно игнорировалось.

Почему Библиотека и Кунсткамера обосновались в Демидовском доме — разъяснено выше. Причин того, что Библиотека и Кунсткамера на столь длительный срок задержались в чужом для них доме, хозяин которого чем дальше, тем менее был этому рад, тоже несколько. Основную вину возложим на неудачные формулировки поспешно составленного указа 1747 г. и отсутствие в нём разъяснений по поводу вопросов, которые неизбежно должны были возникнуть: о компенсации владельцу за отчуждение и пользование его имуществом, об обеспечении реализации прочих его владельческих прав.

Дом на Васильевском и для Демидова, и для Академической канцелярии долгое время оставался большой проблемой. Хотелось бы, однако, отметить, что на протяжении всего времени, пока она разрешалась, стороны сохраняли в переписке корректный тон, прислушивались к чужому мнению и, не забывая о своём интересе, шли в ряде случаев на уступки.

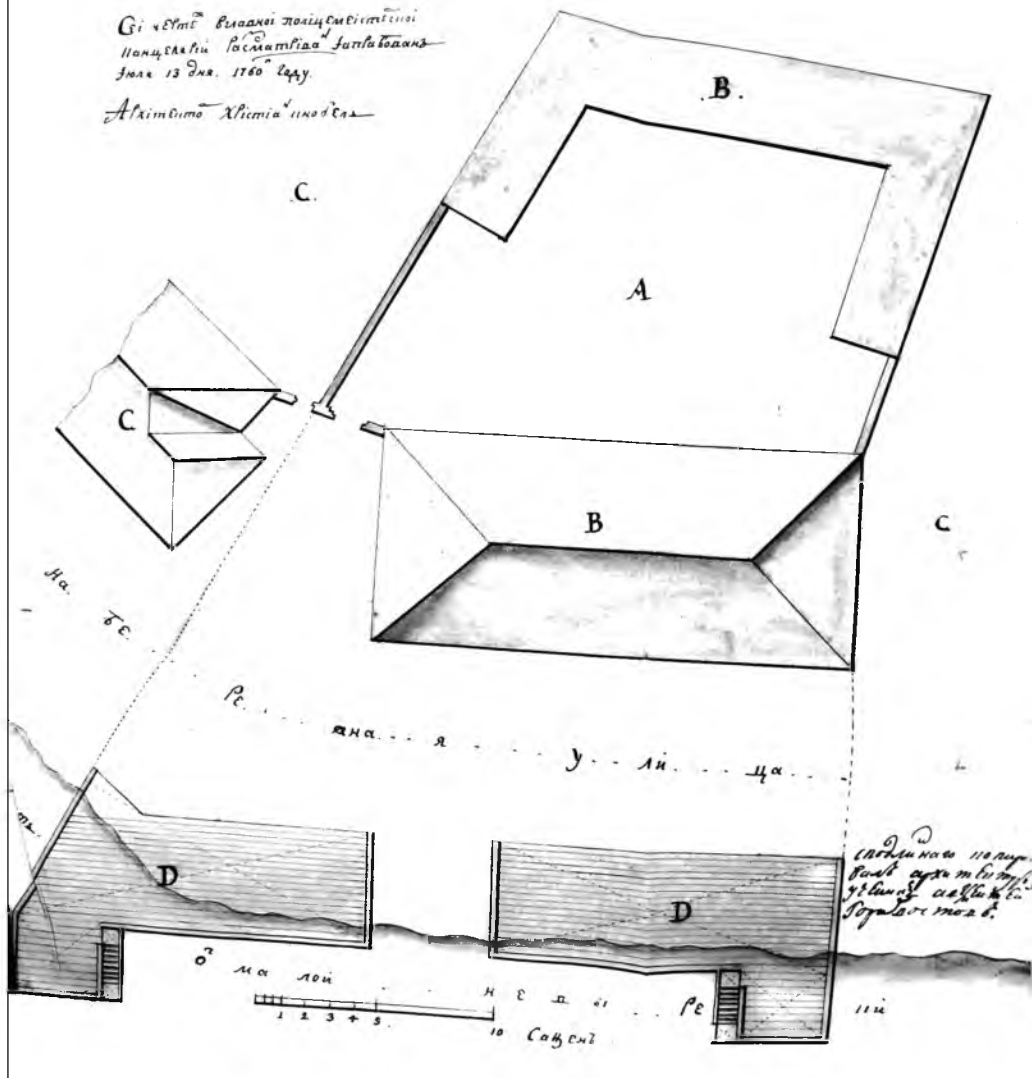
Предоставление дома на Васильевском острове — яркий, но далеко не единственный пример содействия Демидовых деятельности Российской Академии наук и её подразделений.

. ОПИСАНИЕ.

- A. Дворъ дворянина Николая Акимовича сына Демидова.
- B. Наочно дворъ. Намысля полаты.
- C. Часть осадной двора.
- D. Позволено было построй пристоу фонтану в саду.

Сі члѣтѣ владѣніи полиціеі
 Нанцѣмѣнъ расматрѣваъ затѣвающъ
 июля 13 дня. 1760 году

Акимовича Николая сына

Петербург, Васильевский остров. План домовладений баронов Строгановых (слева) и Н.А. Демидова с проектируемой пристанью на Малой Неве. Север внизу. Июль 1760 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Летопись Библиотеки Российской академии наук. Т. 1 : 1714–1900. СПб., 2004.
2. *Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М. ; Л., 1953.
3. *Юркин И.Н., Калита С.П.* Академия наук в гостях у Демидовых : первый рос. музей и акад. б-ка после пожара 1747 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3. С. 102–128.
4. *Николаева М.В.* Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений : застройка и застройщики. М., 2014.
5. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 765.
6. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.
7. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 8.
8. РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 229 об., 230.
9. *Юркин И.Н.* Демидовы: столетие побед. М., 2012.
10. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 2–3.
11. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 5–5 об.
12. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 12 об.
13. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 33.
14. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 12 об.
15. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 17 об.
16. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 18.
17. *Ломоносов М.В.* Записка о служебных преступлениях и упущениях И.И. Тауберта // М.В. Ломоносов. Полн. собр. соч. М. ; СПб., 2012. Т. 10. № 463.
18. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 29 об.–30.
19. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 29–29 об.
20. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–3 об.
21. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 41–43.
22. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 42.
23. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 2, 36.

